

Он лежал один на широкой кровати, закинув руки за голову. Его красивые, карие глаза были устремлены на платяной шкаф, в котором на плечиках висел аккуратно выглаженный женский халат. Под халатом, на нижней полке стояли тапочки.

Плечи халатика обреченно обвисли в ожидании очередной претендентки на его использование, и смиренно ожидали своей участи.

Алексею не везло с женщинами. Ему вообще не везло. В свои пятьдесят с небольшим, лишь однажды, ему встретилась идеальная женщина, его жена, и он потерял ее. Потерял по глупости. Они не виделись несколько лет, но на развод Надя так и не подала. Возможно, она все еще на что-то надеется?

Алексей появился на свет по досадной неосторожности неопытных молодоженов. Славный, милый мальчик. Нет, мать, конечно же, любила сына, но он требовал к себе слишком много внимания. Родители были молоды, обожали друг друга и он стал третьим лишним в их беззаботной, не омраченной ничем жизни, поэтому, все заботы о новорожденном приняла на себя свекровь.

– Светочка! Приготовься кормить Алешу, – кричала она невестке из детской.

И молодая мать, нехотя, шла к умывальнику, сбрасывая с себя на ходу блузку, и ополаскивала под краном сосуды для кормления, емкостью в полтора литра каждый. Затем, прошлепав босиком к себе в спальню, усаживалась в старое кресло-качалку. А еще через секунду оттуда раздавался ее нежный голосок:

– Я готова! Несите!

Кто сказал, что дети рождаются только от большой любви?

Когда акушерка вынесла вердикт:

– Поздравляю, мамаша, у вас двойня! – происходящее показалось ей кошмаром. У нее уже был ребенок, и появление на свет близнецов не входило в планы родителей.

Судьба маленького Алеши определилась. Его забрала к себе все та же свекровь и воспитала, как истинно любящая бабка, то есть, баловала, насколько позволяли ей средства.

Когда внуку исполнилось шестнадцать лет, бабушка торжественно внесла новую статью расходов под названием «Алешины нужды» в свой гроссбух. Это было официальное название. На самом деле, предчувствуя неприятности, сулившие ее внуку бушующие гормоны, бабушка решила, что пора выдавать Алеше карманные деньги для оплаты к нему внимания со стороны не очень щепетильных женщин. Итак, поднабравшись немного опыта, семнадцатилетнему подростку захотелось чего-то настоящего, и, не встретив взаимности со стороны своей избранницы, мальчик, никогда и ни в чем не знавший отказа, очень удивился.

Удивился настолько, что решил взять понравившееся ему силой. С помощью солидной суммы денег, уплаченной семье пострадавшей девочки за потерю невинности, Алеше удалось избежать колонии.

С родителями отношения не складывались. Мать всецело была поглощена близнецами, и каждый приход сына тяготил ее. К тому же, мальчик постоянно хватал со стола еду.

– Алёшенька, не ешь, оставь папе – И мальчик возвращал в вазочку шоколадную конфету.

– Алеша, детка, ты поел бы у бабушки, я на тебя не рассчитывала – И подросток безропотно вставал из-за стола.

Обижался ли он на мать? Нет, не обижался! Мать и отец для него были чужими людьми. Они действительно на него не рассчитывали.

Что такое родительская ласка он узнал, когда не стало бабушки. После похорон, все собрались на поминки в ее старом двухэтажном доме. Кому бабушка оставила наследство – сомнений ни у кого не вызывало.

Мать обняла осиротевшего мальчика, и, успокаивающе приговаривала:

– Не волнуйся, деточка, мама позаботится об этом несурзном доме.

После всех манипуляций с наследством, забыв установить памятник на могиле усопшей, родители навсегда забыли о том, что у них когда-то был сын.

Итак, перебравшись в небольшую однокомнатную квартирку, отвоеванную для него сердобольным нотариусом у любящих родителей, Алексей остался один. Нужно было решать, как распорядиться собственной жизнью. И он решил стать писателем. А почему бы и нет? Он поступил в Университет и, с горем пополам, закончил его, потратив на это несколько лет и бабушкины драгоценности, припрятанные для него во вместительном сейфе все того же старенького нотариуса, давнего друга семьи.

Получив диплом, Алексей устроился репортером в местную газету.

Купив халат, трубку и письменный стол, обтянутый зеленым сукном,

решил он, что настало время заявить о себе. Недоставало только секретаря, и он поместил объявление в газете.

Когда девушка впервые переступила порог его квартиры – Алексею показалось, что даже неуютные, серого цвета стены, как-то преобразились. Застыв в дверях, она озабоченно взглянула на себя в огромное зеркало, нервным движением поправила выбившийся локон и, стараясь казаться взрослой, произнесла, неожиданно низким, хрипловатым голосом заядлого курильщика:

– Я это, ну, по объявлению, короче.

Видя, что Алексей застыл в изумлении, она снова раскрыла свой прелестный ротик и грубовато добавила:

– Ну, чё застыл, в рот воды набрал? – Резинка, которую она перекаtywала языком с места на место, мешала говорить внятно, и она ткнула пальцем в газетное объявление «Писателю на постоянную работу требуется секретарь».

– Да, я действительно, давал объявление – Алексей просто растерялся от такого несоответствия внешнего вида и содержания.

– А ты, чё, и правда, Писатель? – она хихикнула и ткнула Алексея пальцем в живот.

– Да, Писатель, – начал, было, он.

– Да ты гонишь! – ее глаза удивленно уставились на Алексея.

Он поправил очки, и произнес, стараясь казаться солидным.

– Простите, давайте, вначале, познакомимся, Вас зовут...

– Да ладно, тебе. Ну, Рита я, и что? Она прошла в столовую, на ходу сбрасывая с себя плащик.

– Рита, а Вы, простите, где учиться? – Девушка ему понравилась, на секретаря, она, конечно, не тянула, но, возможно, он найдет ей другое предназначение.

– Ну, в ПТУ. Да не переживай ты так, я быстро печатаю...

И Алексей взял Риту на работу. Она действительно быстро печатала, да и деньги, которые он мог платить, ее вполне устраивали. Когда же Алексей попытался расширить круг ее обязанностей, предложив разделить с ним раздвижной диван, девушка, не чувствуя пиетета к Литературному Гению, в присущей ей форме отображать бродившие чувства немногословно, послала его по матушке и растворилась навсегда за обшарпанной дверью его квартиры.

Книга, или точнее сказать, машинописные листы, стопкой, лежавшие на его столе, запылелись и пожелтели. Пора было признаться самому себе: писателя из него не получилось. Но неудовлетворенные амбиции не

давали покоя и, однажды, его осенило – он заявит о себе, как критик. Да, точно! Одно дело писать, и совсем другое критиковать чужое творчество.

Работа в газете открывала для Алексея неограниченные возможности. Все чаще стали появляться его разгромные статьи, скорее напоминавшие собой фельетоны, нежели рецензионный анализ. Его не любили, ни в грош не ставили, как писателя, но ссориться с ним избегали. Как говорится: «не боится волк собак, не любит, когда лают». Таким образом, он почти добился своего – с ним считались.

Когда Алексей впервые встретил Надю, ненависть, захлестнула его. Эта, неизвестно откуда взявшаяся выскочка, с бокалом в руке, принимала поздравления, и светилась от счастья. Нет, он просто обязан прекратить все это. И Алексей, решительно направился к молодой женщине, под удивленными взглядами окружающих.

– Жестокая правда жизни, – самоуверенно произнес он, – я бы сказал больше – очень жестокая. В драматургии, такой ход возможен, но там действуют другие законы. На сцене – это игра актеров и то, что происходит – происходит с ними, а не с теми, кто сидит в зале. В литературе, читая, каждый, все происходящее, примеряет на себя. Он не захочет для себя такой жизни. Надо всегда давать шанс читателю, а ты его не дашь. Запираешь в клетку, как зверя, и пичкаешь своим рационом, тогда, как ему хочется лежать в постели, или сидя в удобном кресле, укрывшись пледом и потягивая вермут, чувствовать себя не участником, а читателем.

И, заметив, недоуменные взгляды окружающих, произнес уже более миролюбиво:

– Тонко чувствуешь ситуацию и цепко держишь. У тебя очень чувствительные черты лица, выходит не только лицо. Видимо каждая клеточка тела, души и разума гармонируют друг с другом. Это большая редкость. Мне редко попадались, в общении, такие люди. Обычно на уровне чувств или разума, но в отдельности друг от друга, а у тебя – триединство. Спасибо!

Он вернулся к себе и более часа просидел, уставившись в одну точку. Это должна была быть его, Алексея, судьба. Это он, Алексей, должен был стоять в кругу почитателей и принимать поздравления, а наутро проснуться знаменитым. Вот оно что! Оказывается количество счастливых строго ограничено. Не будь ее, этой графоманки, у него был бы шанс! Она занимала его, Алексея место! Он сел за письменный

стол. Он готов был уничтожить ее. Рецензия вышла плохая, из серии «Сам дурак!». В печать такое отдавать было нельзя. Алексей лег спать, и, проснувшись утром, решил начисто вычеркнуть из памяти вчерашний день. Это ему уда-лось. Он жил и работал, как раньше, пока однажды не встретил в магазине свою обидчицу.

Девушка явно смутилась, и Алексею это понравилось. Он пригласил ее встретиться вместе с ним Новый Год, и она тут же согласилась. Он сделал ей предложение, а почему бы и нет. Это был удачный ход с его стороны. Она – врач, психолог, она – признанный драматург. Этот брак придаст ему вес в глазах общественности. К тому же, она сможет править его, так и неоконченный роман.

И они поженились. Надя зарабатывала на жизнь, а Алексей, уволившись с работы, ринулся в погоню за славой. К выбору кандидатуры на должность секретаря, на сей раз, необходимо было подойти с полной ответственностью. Наконец, ему повезло. Однажды, раздался звонок в дверь, и на пороге возникло фарфоровое личико, обрамленное золотистыми локонами. Девушка моргала круглыми глазами и чуть приоткрывала пухлый ротик, всякий раз, когда к ней обращались. Движение мысли на секунду отражалось в ее синем взгляде, тут же уступая место обычному выражению скуки. Она быстро печатала и первые десять-пятнадцать минут могла поддержать непринужденную беседу. Таня была студент-кой и с удовольствием согласилась помогать молодому писателю за небольшую плату и возможность сопровождать его на выставки и презентации.

Алексей, наконец-то, почувствовал себя счастливым! До признания было еще далеко, работа над книгой отошла на второй план, но эта молоденькая, восторженная девушка рядом с ним, смотрела на него, Алексея, так, как никто никогда не смотрел. Для чего он вообще женился? Мысль о разводе уже не раз посещала его. Он ненавидел жену, завидовал ей, но именно жена предоставляла ему возможность жить в свое удовольствие. Он делал выписки из первых, попавшихся под руку книг, и зачитывал ей по вечерам отрывки, под видом написанного им за день. Жена, с безразличием на лице выслушивала, молча, весь этот бред. А однажды, Алексей заметил в ее взгляде, нечто похожее на жалость. В ту ночь он долго не мог уснуть. Извечный вопрос «Быть или не быть?» в данном случае звучал, как «Мож-но ли прожить без денег?»

Под утро его осенило. Оказывается, еще как можно! Главное, отыскать подходящую идею. За что сегодня борются? Ну, раньше, это понятно: за мир во всем мире, но это как-то слишком обще. Вот Израильтяне

молодцы. Они борются всю жизнь то «за», то «против». Иммигрировать в Израиль Алексей не мог. Кроме соседки Мани, еврейской национальности, не то, что родственников, даже знакомых евреев у него не было. Стоп. А почему за Сионизм могут бороться только евреи. Ну, конечно! Именно то, что он не еврей привлечет к нему больше внимания. Ну, выдворили его из заштатной газетенки, предложив написать заявление «по собственному желанию», подумаешь! Редактор, прочитав его рукопись, передал через секретаря совет читать, а не писать! И что, вешаться из-за этого?

Наутро, Алексей направился в ближайшую библиотеку и, основательно подковавшись, решил посетить ближайшую Синагогу. К огромному удивлению, отнеслись к нему довольно прохладно. Выслушав горячую, наполненную пафосом речь Алексея, пожали руку и предложили внести пожертвование на борьбу за возрождение, столь любимого им, еврейского народа. А затем, выпроводили восвояси, даже не предложив чашку чая.

Итак, рассчитывать на дотации местной Синагоги не приходилось. И Алексей решил с разводом пока не спешить.

Танечка была к нему очень мила, ни в чем ему не отказывала, включая интим, жена кормила и не приставала с расспросами. Можно было считать, что жизнь удалась.

Но абсолютного счастья, как говорится, не бывает и, однажды, Надя заговорила о ребенке, о том, что годы проходят, моложе они не становятся и пора бы ему, Алексею, прекратив заниматься ерундой, вернуться на работу.

Этого только недоставало! Так что же, прощай свобода? Ну, уж нет! И тогда, он решился. Написав прощальное письмо с просьбой оставить его квартиру в течение недели, он попросту сбежал. Благо Татьяна пустила к себе на время.

Следующим шагом к высокому званию борца за Сионизм, должен был стать его выход на мировую арену. Воспользовавшись бесплатным компьютером все в той же библиотеке, за несколько месяцев собрал он под свои знамена сочувствующих из Америки, Европы и Израиля. С утра и до позднего вечера, просиживал Алексей в библиотеке, собирая всевозможные публикации, затем, разбавив чужие статьи собственными комментариями, рассылал он эти письма по всему миру. Как ни странно, это работало! За несколько месяцев количество рассылок возросло до пяти тысяч. Но борцу, даже за такую великую идею, тоже нужно есть, и Алексей открыл счет в банке, в ожидании пожертвований.

Надежды его не оправдались. Письма читали все, а чеки присылали единицы, да и то, на мизерные суммы по пять-десять долларов. Время шло. Бабкины сбережения таяли.

А однажды, его пригласили в Синагогу для беседы с раввином. Алексей хотел, было, отказаться, гордо напомним, как всего лишь пару лет назад его не воспринимали всерьез, но как раз в этот момент в животе у него заурчало и, вежливо поблагодарив новых соплеменников, соблаговолил он принять приглашение. Раввин долго говорил о том вкладе, который Алексей вносит в борьбу за возрождение еврейского народа, и, в конце концов, предложил ему посещать еженедельно бесплатные обеды по пятницам. Это было оскорбительно! Он, русский борец за Сионизм, пожертвовавший карьерой ради великой идеи, должен был кормиться из милости бесплатными обедами! Нет, не так представлял он себе благодарность великого народа.

Итак, выходит борьба за идею, какой бы величественной эта идея не была, никак не связана с материальным благополучием. С ним ассоциировалась лишь бывшая жена, Надя. Ну, и дурак же он был! Ну, допустим, согласился бы он на ребенка, и что? Жена сидела бы с малышом дома, а он писал свои фельетоны, и все были бы счастливы. И он решил вернуть Надю.

Алексей заготовил монолог в надежде, на то, что она его выслушает. Он, скажет, что на вновь избранном им пути, ему просто необходим совет психолога, он постарается убедить ее, в том, что уход из семьи был благом для них обоих.

## Эпилог

Дверной звонок разбудил ее. Сегодня выходной. Кого это принесла нелегкая в такую рань? Надя наспех набросила на плечи халат, и босиком прошлепала к двери.

– Кто?

– Надя, открой, это я – голос изменился, но был вполне узнаваем.

И вот в проеме дверей появился Он. Три года не прошли для него даром.

Он отрастил волосы, на переносице в тонкой оправе красовались очки, на голове величественно восседал непрменный атрибут борца за Сионизм – кипа.

– Ну, здравствуй! Мы можем поговорить, Надя?

– Проходи! Почему бы и нет? – И Надя пропустила его в комнату.

– Я понимаю, вероятно, ты все еще сердисься на меня, но, поверь, если бы мы с тобой остались вместе – ни к чему хорошему это не привело бы.

Теперь я изменился, я нашел себя и достиг многого. Сегодня, имя мое известно не только в нашей стране, но и за рубежом. Мне нужен твой совет, твоя поддержка...

Надя зевнула, прикрыв рот рукой.

– Сегодня выходной.

– Поэтому я и пришел сегодня, – он улыбнулся, – Ну, подумай сама, не записываться же мне к тебе на прием, это было бы просто смешно!

Постепенно, уверенные интонации в его голосе набирали силу. Он выжидающе смотрел в глаза жене, в надежде отыскать в них искорки интереса.

– Ну, отчего же смешно? Мы давно уже не живем вместе. И, потом, я не единственный практикующий психолог, – Наде действительно было смешно, смешно и противно. Он просто набитый дурак, если думает, что по-прежнему, может манипулировать ею.

И Алексей растерялся. Впервые, Надя видела его в таком состоянии. Его, некогда красивые глаза, за стеклами очков, казались ей теперь крошечными, они бегали из стороны в сторону, пытаясь, отыскать хоть какой-нибудь, мало-мальски подходящий довод в свою пользу. И не найдя его, он произнес высокопарно:

– Да, у меня нет денег! Чужие люди помогают мне, а ты, моя жена, боишься потратить несколько часов своего драгоценного времени на некогда любимого тобой человека.

Надя смотрела на него с сожалением. Как вообще она могла когда-то даже думать о том, что это ничтожество достойно любви!

– Уходи! Ты мне не муж и не любовник, ты вообще Никто! Ты – пустое место, напоминание о глупостях, совершенных мною когда-то. – Голос ее звучал буднично, никакой аффектации, простая констатация факта. Она подошла к окну. На улице, пожилая женщина кормила кошку, подростки спорили о чем-то. Громко хлопнула входная дверь. Надя смотрела ему вслед из окна. Он шел, сгорбившись, под порывами холодного осеннего ветра, зябко кутаясь в видавший виды пиджак. Очередной порыв ветра, сорвав с его головы кипу, закружил ее в воздухе, и унес прочь...